

метанъ, какъ мы имѣемъ. А между тѣмъ долгъ благовѣстія истины Христовой невѣдущимъ и заблуждающимъ есть важный долгъ не только пастырей и учителей церкви, но и всѣхъ православныхъ христіанъ. Горе намъ и прежде всего горе намъ, пастырямъ, если мы не будемъ со всею усердіемъ и ревностію заботиться о лучшемъ устройствѣ миссіонарскаго служенія въ нашемъ краѣ, и особенно, если будемъ относиться къ этому дѣлу равнодушно или даже теплохладно. Не будетъ намъ мзды у Господа. Горе и всѣмъ православнымъ христіанамъ, здѣ живущимъ, если они не будутъ приносить съ усердіемъ и щедростію лепты на св. дѣло просвѣщенія свѣтомъ вѣры Христовой—православной живущихъ среди и около насъ не христіанъ—язычниковъ и магометанъ.

Послѣ сего прочутованнаго слова Владыки, въ которомъ вылилось его сердечное горе о маломъ дѣланіи на нивѣ благовѣстія евангельскаго, хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ пропѣтъ былъ концертъ: „Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюсь“ и тропарь Вознесенію Господню, чѣмъ и закончилось собраніе.

Въ виду исполнявшагося 25-ти лѣтія существованія Астраханскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества считаемъ нужнымъ въ заключеніе сей замѣтки сказать, что въ теченіи 25-ти лѣтъ просвѣщено св. крещеніемъ въ Астраханской епархіи калмыковъ 1641 человекъ калмыковъ; изъ киргизовъ и татаръ были только единичныя обращенія; на дѣло миссіи за 25 лѣтъ собрано въ Астраханской епархіи и употреблено въ дѣло болѣе 100 тысячъ рублей. Что сдѣлано Астраханскимъ Комитетомъ Миссіонерскаго Общества за минувшій отчетный годъ, какихъ плодовъ онъ достигъ и къ чему главнымъ образомъ стремился, видно изъ отчета сего Комитета за 1895 годъ, печатаемаго въ официальной части сего № Епарх. Вѣдомостей; тамъ-же печатается и смѣта на содержаніе Астраханской миссіи на 1896 годъ, утвержденная Общимъ Собраніемъ Членовъ Астраханскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

ПАМЯТИ ЮСИФА УБИЕННАГО,

МИТРОПОЛИТА АСТРАХАНСКАГО И ТЕРСКАГО.

(11-го мая).

День 11 мая достоинъ того, чтобы о немъ всегда помнили и его благоговѣнно чтли жители астраханскіе. Болѣе двухъсотъ лѣтъ тому назадъ въ этотъ день—ужасный день!—земля астраханская обагрилась кровію Святителя Христова, митрополита Юсіфа. И кто были убійцы?! Свои русскіе люди, хотя и обезумѣвшіе отъ непрестанныхъ буйствъ и злобы. И за что

убили! За слово истины, за дѣло правды, за призывъ мятежниковъ къ покорности Государю, Помазаннику Божію.

Припомнимъ-же, хотя вкратцѣ, жизнь и достохвальный подвигъ убиеннаго Святителя въ назиданіе себѣ самимъ и въ честь его славнаго имени.

Митрополитъ Іосифъ родился въ г. Астрахани отъ благочестивыхъ родителей Климента и Варвары. Жилъ онъ въ самыя злосчастныя времена Государства Русскаго. Въ его дѣтскіе годы Русь беспокоили самозванцы, а при старости—разные мятежники. И ему пришлось пострадать какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ. Будучи еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ, онъ, во время произведеннаго въ городѣ бунта сторонниками Лжедмитрія, получилъ отъ одного казака ударъ въ голову, отъ чего голова Іосифа тряслась до конца его жизни. А отъ мятежниковъ на старости лѣтъ истязуемъ былъ и убитъ. Средній-же возрастъ прожилъ онъ въ добровольныхъ монашескихъ лишеніяхъ въ астраханскомъ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ онъ подвизался сначала въ званіи простаго монаха, а позже—игуменомъ и архимандритомъ. Въ санъ архіепископа астраханскаго Іосифъ посвященъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ—на 60-мъ году своей жизни (въ 1656 г.). Но старость не помѣшала ему быть достойнѣйшимъ архипастыремъ, лучезарнымъ свѣтильникомъ, сіявшимъ не только для астраханскаго края, но и далеко за предѣлами его. У Благочестивѣйшаго царя Алексѣя Михайловича онъ пользовался особеннымъ вниманіемъ. Привлекъ онъ любовь и расположеніе къ себѣ также святѣйшихъ патріарховъ Восточныхъ (Іерусалимскаго и Антиохійскаго) въ проѣздъ ихъ чрезъ Астрахань въ Москву по дѣламъ церковнымъ (въ 1667 г.), куда взяли они съ собою для совѣта и его, Іосифа. Тогда-же, по изволенію Царя, патріархи возвеличили его саномъ митрополита за то, что онъ „священнѣйшій архіепископъ преславнаго града Астрахани“, какъ значилось въ давной ему грамотѣ: „показался имъ, патріархамъ, аки свѣтлѣйшая звѣзда, всякое служеніе челоѣколюбія и страннопримства являя: въ скорбяхъ утѣшеніе, въ бѣдствіяхъ помощь, въ мѣстахъ и малопроходимыхъ наставленіе словомъ и дѣломъ; явствуясь доброслужень, рачитель теплый, и во всякихъ нужныхъ дѣлахъ, творя велие попеченіе и прилежность“. Причемъ подарили ему привезенное съ собою дорогое архіерейское облаченіе (савкосъ), вытканное изъ сученаго шелка съ золотомъ. Но когда Царь и патріархи въ Москвѣ отличали достославнаго Іосифа почетнымъ саномъ митрополита и драгоценнымъ подаркомъ, въ самой Астрахани предуготовлялось для него тяжелое испытаніе со многими скорбями, лишеніями, и наконецъ—поворная, насильственная смерть отъ руки злодѣевъ посреди его-же пасомыхъ. По возвращеніи изъ Москвы Святителю не долго пришлось утѣшаться спокойствіемъ. Время настало тогда мятежное. По Волгѣ разгуливали бѣглые донскіе казаки—воры и разбойники, а атаманомъ надъ ними былъ извѣстный своими злодѣяніями казакъ Степка Равичъ. Вскорѣ разнесся слухъ, что этотъ злодѣй направляется къ Астрахани.

Но печальнѣе всего была вѣсть о томъ, что высланное противъ Разина стрѣльцкое войско, перерѣзавъ своихъ начальниковъ, измѣннически перешло на его сторону. Къ этому несчастію присоединилось новое: оставшіеся въ городѣ стрѣльцы произвели возмущеніе, требуя себѣ жалованія, а у астраханскаго воеводы денегъ не было. Тогда Святитель послалъ воеводѣ свои деньги, какія были, да двѣ тысячи изъ Троицкаго монастыря для выдачи стрѣльцамъ; послѣ чего возмущеніе на время успокоилось. Между тѣмъ Разинъ приближался къ Астрахани. Воевода спѣшилъ защитить городъ: укрѣплялъ городскія ворота, по стѣнамъ разставлялъ пушки, разводилъ стрѣльцовъ на мѣста и вооружалъ всѣхъ жителей, кои могли только владѣть оружіемъ. А митрополитъ Іосифъ помогалъ ему въ этомъ своими молитвами и пастырскими увѣщаніями. Онъ въ сопровожденіи всего духовенства совершалъ крестный ходъ вокругъ города, причемъ у каждаго городскаго воротъ и на площадяхъ отправлялъ молебное пѣніе о ниспосланіи городу небесной помощи. Въ то-же время Святитель увѣждалъ гражданъ постараться за домъ Пречистой Богородицы послужить Государю вѣрой и правдой, биться съ измѣнниками мужественно, обѣщая царскую милость живымъ и вѣчное блаженство сраженнымъ въ бою, ободрялъ и успокаивалъ тѣхъ, кои находились въ страхѣ. А бояться было чего. Разинъ вотъ уже близко; надежда-же на успѣхъ борьбы съ нимъ была совсѣмъ плохая. Къ тому-же въ Астрахани стали примѣчать разныя необычайныя явленія: то видать небо вдругъ какъ-бы отверзается и сыплются оттуда на городъ искры, точно изъ печи; то разрывается небо проливнымъ дождемъ съ градомъ; то наступаетъ, не смотря на лѣто, страшный холодъ, заставлявшій жителей одѣваться въ теплыя одежды. А предъ самымъ прибытіемъ въ Астрахань Разина, на разсвѣтѣ дня, всѣ явственно увидѣли на небѣ три столба, игравшіе радужными цвѣтами; на верху-же ихъ были круги, на подобіе вѣнцовъ, изъ радужныхъ-же цвѣтовъ. Эти знаменія еще болѣе усиливали въ жителяхъ тревогу. „Быть бѣдѣ! быть гнѣву Божию!“ повторяли вмѣстѣ съ народомъ митрополитъ и воевода. И дѣйствительно, скоро Астрахань была взята Разинымъ. Мятежные астраханцы не только не оказали ему сопротивленія, а наоборотъ помогали ему овладѣть городомъ. Вслѣдъ за тѣмъ произведено было страшное кровопролитіе. Перебиты были—и воевода, и дворяне, и дѣти боярскія, и всѣ чиновные люди. Кровь человѣческая ручьями разливалась по землѣ. Около трехъ недѣль пробылъ Разинъ въ Астрахани, и все это время городъ подвергался грабежу, а мирные жители его жестокой расправѣ. Чтобы угодить своимъ, Разинъ осуждалъ на смерть всякаго, на кого-бы тѣ ни пожаловались ему. Подаетъ знаешь—и тотчасъ одному отрубають голову, другому руки и ноги, иного вѣшаютъ, а того бросаютъ въ воду. Убіиства продолжались и по уходѣ Разина изъ Астрахани: приспѣшники его добивали тѣхъ, которые спаслись отъ смерти въ первые дни рѣзни... Что оставалось дѣлать въ это злѣполучное время митрополиту Іосифу? Ожесточенныхъ разбойниковъ, какъ лютыхъ

звѣрой, можно было укротить лишь при помощи оружія; вырвать изъ ихъ рукъ безпомощныхъ можно было только силой, а митрополитъ Іосифъ ничѣмъ не располагалъ, кромѣ архіерейскаго помѣщенія. И вотъ онъ открываетъ для несчастныхъ двери своего дома, куда и бѣгутъ обреченные злодѣями на смерть. Мятежники-же, разыскивая ихъ, врываются къ митрополиту въ покои, набрасываются на него и его служителей съ неистовыми криками, грозили перебить всѣхъ, ругая Святителя скверными словами. „Ты угождаешь боярамъ, кричали они, а не намъ. Коли такъ, то и тебѣ не уцѣлѣть, и людей твоихъ домовыхъ всѣхъ перебьемъ!“ Послѣ этой злобщей угрозы Іосифъ не могъ ожидать для себя ничего хорошаго. Въ это время Господь подкрѣпляетъ Святителя ночнымъ видѣніемъ, о которомъ онъ и рассказалъ собравшимся около него приказнымъ и домашнимъ людямъ. „Нѣтъ ночью, говорилъ онъ, было мнѣ видѣніе. Вижу я: стоитъ палата весьма чудна и украшена; въ той палатѣ сидитъ доблестный бояринъ воевода (Ив. Семенов. Прозоровскій), и съ нимъ сынъ его и братъ его (убитые Разинымъ). И сидятъ они всѣ вмѣстѣ, и пьютъ питье сладкое паче меда, а надъ главами ихъ сіяютъ золотыя вѣнцы, украшенные камнемъ многоцвѣтнымъ. Велѣли они и мнѣ сѣсть въ той-же палатѣ, только не съ ними вмѣстѣ, а по-одаль, и питья мнѣ не дали; говорятъ промежь себя: овъ еще къ намъ не поспѣлъ“. При этомъ архипастырь вздохнулъ и произнесъ: „еще не пришелъ часъ мой“. Правда, не пришелъ еще часъ мученической кончины Святителя, но онъ былъ близокъ.

Когда вѣсть о злодѣйствахъ въ Астрахани дошла до царя Алексѣя Михайловича, онъ милостивыми грамотами сталъ приглашать мятежниковъ къ спокойствію, общая прощеніе всѣмъ, кто изъявитъ покорность. Одна изъ такихъ грамотъ доставлена была въ Астрахань и передана митрополиту. Прочитавъ ее у себя въ кельѣ послѣ утрени, предъ разсвѣтомъ, Владыка „плакалъ многое множество“. Любящее сердце его поражено было великою и неожиданною радостію. Кто думалъ, что вѣтвoprеступники, царскіе измѣнники могутъ разсчитывать на помилованіе? Кто полагалъ, что злодѣи и челоуѣконенавистники, погубившіе столько жизней неповинныхъ, могутъ продолжать еще сами жить на землѣ? И вотъ, чего и ожидать было нельзя, теперь становится возможнымъ: порука тому—царская грамота! Нужно скорѣе объявить всѣмъ о царской милости, обрадовать мятежный народъ. Дѣйствительно, какъ только наступилъ день, по приказанію митрополита, раздался по городу не въ урочное время благовѣстъ, призывавшій астраханскихъ жителей въ соборъ. Народъ собирался въ недоумѣніи, а главные зачинщики—съ подозрѣніемъ. Тогда митрополитъ, придя въ храмъ, велѣлъ ключарю облачиться въ ризы и прочитатъ подлинную царскую грамоту вслухъ предъ народомъ, а самъ сталъ подлѣ ключаря. Въ грамотѣ той писано было, чтобы „воры и вѣтвoprеступники, астраханскіе жители, вины свои принесли Богу и Великому Государю и о всемъ-бы

били челомъ, а которые донскіе казаки есть въ Астрахани, и они-бъ также вины свои принесли ему, Великому Государю“. Смотрите: какая любовь! какая милость! Царь готовъ забыть всё преступленія измѣнниковъ, даровать имъ не только жизнь, но и свободу и оставить за ними всё ихъ права; и за это не требуетъ для себя никакой жертвы, никакого выкупа, а хочетъ и требуетъ отъ нихъ одного—только одного раскаянія! И что-же? Не поняли мятежники Царской къ себѣ милости, не добромъ отделинулись на ласковое слово Царя. Какъ только прочитана была грамота и передана Святителю, воры—казаки кинулись къ нему и силой отняли ее изъ рукъ его. Владыка началъ было уговаривать бунтовщиковъ и обличать ихъ. А они, воры, презрѣвъ и святость храма, и святительскій санъ, называли митрополита чернецомъ, бранили его поворною бранью и говорили: „Зналь-бы ты свою келью!—что тебѣ до насъ? знаешь-ли ты раскаты?“ Другіе кричали: „посадить его въ воду!“ А иные: „послать въ заточеніе!“ Вотъ до чего доводитъ людей своеволие и злоба. Въ комъ укоренились эти пороки, тѣ готовы скорѣе умереть отъ нихъ, чѣмъ разстаться съ ними. И для буйныхъ казаковъ, огрубѣвшихъ во злѣ и непокорности, было уже невозможно исправленіе. Убіиства стали для нихъ пищею, а питіемъ—кровь. Пытаются вразумлять, значило—приводить ихъ лишь къ большому озлобленію. Это съ прискорбіемъ сознавали и Государь и митрополитъ Іосифъ. Нужно, по крайней мѣрѣ, спасти мятежныхъ астраханцевъ, которые, дѣйствуя по увлеченію, не дошли еще до послѣдней степени озлобленія. И вотъ Государь посылаетъ къ нимъ свою новую грамоту, а къ митрополиту—особую. Получены онѣ были Святителемъ въ Великую Субботу. Мятежники не захотѣли слушать чтенія ихъ въ соборѣ, а пошли къ себѣ въ кругъ *). Тогда митрополитъ Іосифъ вмѣстѣ съ священниками, боярскими дѣтьми и дворовыми людьми пошелъ за ними и приказалъ протодіакону прочитать обѣ грамоты вслухъ всѣхъ, послѣ чего обратился къ астраханцамъ съ увѣщаніемъ: „Жители астраханскіе! вѣлно по грамотѣ Великаго Государя воровъ донскихъ всѣхъ перехватить и посадить въ тюрьму до указа Великаго Государя, а вамъ вѣлно во всемъ вины свои принести. Онъ Государь—свѣтъ милостивъ, вины ваши отдастъ; а вы положитесь на меня, что Государь повинившихся ничѣмъ не велитъ тронуть“. Поняли злодѣи—зачинщики свое опасное положеніе и задумались. Что если астраханцы послушаются своего архипастыря и оставятъ ихъ?! Гдѣ будутъ они искать себѣ защиты и спасенія? Не мнѣвать всѣмъ имъ тогда справедливой кары! И эту опасность готовить имъ митрополитъ Іосифъ. Не будь его, и грамоты царскія не доходила бы до Астрахани, и некому было бы читать ихъ народу. А теперь, вотъ онъ неустрашимый обличитель ихъ, — самый опасный ихъ врагъ! И пока онъ живъ, они, мятежники, не могутъ оставаться въ безопасности. Нуж-

*) Такъ называлась сходка, или сборнище казаковъ для совѣщаній.

но скорѣе покончить съ нимъ... И жалѣютъ злодѣи, что не могутъ исполнить этого замысла теперь-же. „Счастье твое, закричали они на Святителя въ озлобленіи, что пристигла св. недѣля, а то мы дали-бы тебѣ знать“. Послѣ Пасхи ненависть злодѣевъ къ митрополиту Іосифу возрастала съ каждымъ днемъ. Ее возбуждали и приходившія изъ верховныхъ городовъ недобрѣя для бунтовщиковъ вѣсти. Главный атаманъ ихъ Разинъ уже сидѣлъ въ оковахъ. Поднятые имъ мятежи по городамъ всюду прекращались. У зачинщиковъ оставалась одна надежда на Астрахань и астраханцевъ. Но какъ положиться на нихъ? Митрополитъ Іосифъ непрестанно убѣждалъ ихъ отстать отъ воровства и принести повинную. И вотъ, чтобы удержать за собою астраханцевъ и поселить въ нихъ недовѣріе къ митрополиту, разбойники стали распускать слухи, что читанныя грамоты не Государевы, а ихъ составлялъ-де самъ митрополитъ „со властями и попами“ своими. Кромѣ того, въ устраненіе съ чьей-либо стороны измѣны они приговоромъ обязали другъ друга быть единодушными и упорствовать въ своемъ дѣлѣ крѣпко, до конца жизни. Представили этотъ приговоръ для подписи митрополиту Іосифу. Но онъ, отвергнувъ совѣтъ нечестивыхъ, сталъ обличать ихъ въ измѣнѣ и увѣщевать обратиться на путь истины. Тогда злодѣи рѣшили приступить къ исполненію своего злаго умысла противъ Святителя. Чтобы вѣрнѣе успѣть въ этомъ, имъ пужно было еще обличить его въ какихъ-либо преступленіяхъ. А какъ за митрополитомъ ихъ не было, то беззаконники не устыдились воспользоваться вымышленными. Въ то время къ астраханцамъ приславъ былъ отъ ихъ товарищей, промышлявшихъ по Волгѣ, подговоренный казакъ съ ложными вѣстями про митрополита, что онъ сильно вредитъ ихъ дѣлу и сносится съ донскими казаками, что Разинъ по его будто-бы письму пойманъ и всякое зло причиняется сообщникамъ его; причѣмъ приглашали здѣшнее казачество раздѣлаться съ нимъ по-своему. Злодѣи того только и ждали. И вотъ для митрополита Іосифа настала наконецъ послѣдній часъ.

То было 11-го мая 1671 г. Въ этотъ день Святитель присутствовалъ за божественной литургіей въ соборѣ. Совершалась проскомидія, когда явились въ храмъ посланные отъ мятежныхъ казаковъ съ требованіемъ, чтобы митрополитъ Іосифъ шелъ къ нимъ въ кругъ. „Добро, отвѣчалъ имъ Владыка: вотъ я облачусь въ свою святительскую одежду“, и тотчасъ сталъ облачаться, а посланные вышли изъ церкви и ждали на паперти. Между тѣмъ Святитель облачился и велѣлъ благовѣстити въ большой колоколь; самъ-же въ полномъ облаченіи, въ митрѣ и съ крестомъ въ рукѣ направился къ соборному мѣстожитію мятежниковъ. Его сопровождали два іеромонаха и соборное духовенство. Войдя въ средину толпы, Святитель остановился противъ старшаго атамана и безбоязненно спросилъ: „Зачѣмъ вы звали меня, воры и клятвopреступники?“ Тогда пріѣхавшій съ Волги казакъ, по приказанію атамана, сталъ повторять придуманные наговоры

на митрополита, какъ онъ будто-бы сносился съ терскими и допскими казаками, и какъ тѣ по его письму отложились отъ здѣшнихъ казаковъ. На эту клевету Святитель отвѣчалъ: „я съ ними не переписывался; а хотя-бы и переписывался, такъ это вѣдь не съ Литвою или Крымомъ... Я вамъ говорилъ и теперь говорю, чтобы вы отъ воровства отстали и вини свои принесли Великому Государю“. Святитель говорилъ правду, и мятежникамъ желалъ только добра. Но они не за этимъ вызвали его къ себѣ. Имъ хотѣлось не оправданій его или увѣщаній, а поскорѣе избавиться отъ своего обличителя. Потому многіе стали кричать: „Что онъ пришелъ къ намъ съ крестомъ? мы вѣдь и сами христіане, — а то пришелъ будто къ иновѣрнымъ!“ И начали злодѣи подступать къ митрополиту, чтобы снять съ него облаченіе. Тутъ выдвинулся изъ толпы одинъ вазака, по имени Миронъ, заслонилъ собою митрополита и сталъ уговаривать товарищей: „что вы, братцы, на такой великій санъ хотите руки поднять! Намъ къ такому великому сану и прикоснуться вельзя“. Не успѣлъ онъ сказать это, какъ одинъ изъ злодѣевъ бросился на Мирона и схватилъ его за волосы. Другіе-же воры начали колотъ и рубить его предъ Святителемъ; за тѣмъ вытащали изъ толпы и убили его. Однако, слова Мирона не прошли безслѣдно. Въ злодѣяхъ заговорила совѣсть, и боязнь овладѣла ими, такъ что они не рѣшались дотронуться до митрополита, пока онъ стоялъ въ святительскомъ облаченіи. Потому они приступили къ протопопу и священникамъ, стали толкать и бранить ихъ „скаредною“ бранью и кричали: „снимайте съ митрополита санъ!“ Чтобы не увеличивать озлобленія враговъ своихъ и не подвергать близкихъ себѣ дальнѣйшимъ оскорбленіямъ, Святитель самъ сталъ разоблачаться: врестъ, который былъ у него въ рукѣ, онъ передалъ своему крестовому іеромонаху; потомъ снялъ съ себя митру и панагію и отдалъ другому іеромонаху, который и началъ было его разоблачать, но растерялся и не зналъ, что дѣлать. Тогда Владыка обратился въ сторону протодіакона и сказалъ: „что-же ты стоишь, не разоблачаешь? уже придетъ часъ мой!“ Протодіаконъ въ ужасѣ приступилъ къ разоблаченію: снялъ съ него омофоръ, саккосъ и прочія церковныя одежды и передавалъ священникамъ. Владыка остался въ черномъ бархатномъ подрясникѣ. Послѣ того злодѣи выбрали всѣхъ духовныхъ изъ толпы, приговаривая: „до васъ теперь дѣла нѣтъ“, а Святителя повели на зеленый (или пороховой) дворъ — пытать. Развели огонь. Палачъ спялъ съ Святителя подрясникъ и оставилъ его въ одной черной власяницѣ, которую онъ повисилъ вмѣсто рубашки. Затѣмъ связали митрополиту руки и ноги и, продѣвъ между ними шесть, повѣсили его надъ разведеннымъ огнемъ; причеиъ, въ этомъ гнусномъ дѣлѣ палачу помогалъ одинъ изъ солдатъ. Когда на Святителя загорѣлась власяница *), палачъ разорвалъ ее

*) Часть этой власяницы нашла на бархатную складную подушечку, которая находится въ деревянномъ ящичкѣ, на столѣ, надъ могилой Іосифа убійцаго и возлагается обыкновенно на головы немощныхъ, по ихъ желанію. Другая-же, большая часть ея хранится въ соборной ризницѣ.

и сталъ жечь его нагого, а солдатъ, наступая ногой то на животъ, то на горло страдальца, приговаривалъ: „скажи, митрополитъ, какъ ты переписывался?“ Святитель какъ-бы не слышалъ и не чувствовалъ издѣвательствъ злодѣевъ, а громко произносилъ молитву. Такое терпѣніе ожесточило мучителей, и они стали подвергать Святителя новымъ страданіямъ: его повернули вверхъ спиною, а солдатъ началъ мять ему ноги... Чье сердце не сокрушилось-бы на части отъ этихъ ужасныхъ истязаній невиннаго страдальца?! Чьи очи не оросились-бы потоками слезъ при видѣ изъязвленнаго, обожженнаго тѣла Святителя?! По истинѣ, столь грубая несправедливость, столь жестокая дѣянія не свойственны природѣ человѣческой. И жители города Астрахани, въ коихъ не успѣли еще изгладиться слѣды образа Божія, съ ужасомъ спѣшили оставить позорное мѣсто звѣрской расправы. Они забились въ свои землянки и съ отчаяніемъ въ сердцѣ только стенали: „О, если-бы уши наши не слышали, и глаза наши не видѣли“!..

Не то испытывали бунтовщики-мучители. При слышаніи молитвы страдальца, сердце ихъ воспламенилось неудержимою злобою; при видѣ язвъ на тѣлѣ его, глаза ихъ распалились жаждою крови человѣческой. Обезумѣли злодѣи отъ ярости. Въ предсмертномъ вздохѣ Святителя Божія они хотѣли найдти себѣ успокоеніе, а потому всѣ въ одинъ голосъ стали кричать: „Нараскать его, на раскать!“ И тотчасъ повели страдальца на раскать, на вѣрную смерть. Святитель имѣлъ ужасный видъ: спина и животъ его были покрыты черными отъ огня пятнами, большими отъ обжога пузырями и рапами; борода и волосы на головѣ его были опалены, а ноги измяты, — онъ едва шель, такъ что сами мучители вынуждены были поддерживать его. Проходя тѣмъ мѣстомъ, гдѣ былъ убитъ казакъ Миронъ, трупъ котораго оставался еще не прибраннымъ, Святитель благословилъ его и поклонился. Когда же вели его мимо соборной церкви, то здѣсь стояли собравшіеся всѣ городскіе священники. Выйдя къ нему на встрѣчу, они горько плакали и съ сокрушеннымъ сердцемъ, припадая къ ногамъ архіерея Божія, „даша ему послѣднее цѣлованіе“. А ожесточенные злодѣи толкали его, не давая ему помолиться Господу Богу и даже поклониться на всѣ стороны. „Не помяни имъ, Господи, грѣха сего!“ возведя очи свои на небо, молился Святитель за своихъ враговъ... Но вотъ, наконецъ, поднялись съ страдальцемъ на башню *), возвели его на самую вершину, посадили на край раската, взяли его за руки и... съ высоты столъзули внизъ! Святитель расшибся о землю, при чемъ послышался „нѣкій необыкновенный шумъ, стукъ и трескъ“. Такъ совершилось злодѣяніе: для митрополита Іосифа это было концомъ страданій, а для злодѣевъ оно стало началомъ праведнаго суда.

*) Башни той теперь уже нѣтъ; нужно полагать, что она находилась недалеко отъ настоящей колокольни — вправо отъ нея, какъ войдешь въ крѣпость.

Въ этомъ страшномъ стукѣ послышалось убійцамъ проклятіе ихъ землю, которую они заставили пить кровь Святителя Божія. И невольный ужасъ объялъ злодѣевъ, они оцѣпенѣли: головы ихъ повисли, языкъ какъ-бы присохъ къ гортани, такъ что не могли они сказать и слова одинъ другому, точно овѣмѣлые. Страшно стало для нихъ мѣсто это, и они хотѣли-бы бѣжать... Но что это? Какой это сильный стукъ слышится въ соборной церкви? Убійцы въ страхѣ спѣшать въ соборъ и видятъ тамъ священниковъ, плачущихъ о своемъ архипастырѣ. „Что вы, поны, въ церкви стучите!“ закричали на нихъ злодѣи, и стали бить священниковъ и выговаять ихъ вонъ. А стуку никакого не было, и двери храма были заворены. То встревожило омраченныя души злодѣевъ предчувствіе грознаго суда церковнаго—страшной анаемы... И затрепетало сердце ихъ, какъ нѣкогда у братоубійцы Каина. Ринулись они бѣжать отъ мѣста убійства, чтобы не видѣть своего злодѣянія. Но куда убѣгутъ? Не смѣть имъ никогда кровавыхъ слѣдовъ съ души своей! Не скряться имъ отъ справедливаго суда царскаго и отъ пролятія народнаго! И, о, если-бы только отъ этого суда, только этого проклятія! Но что ихъ ждетъ по смерти, тамъ—за гробомъ, на страшномъ судѣ Божіемъ?!

Однако, довольно о злодѣяхъ: оставимъ ихъ въ смятеніи, и обратимся въ печальному повѣствованію о совершенномъ ими злодѣяніи.

Опустя часъ времени по убіеніи, соборный протоіерей со священниками подняли тѣло Святителя, положили на коверъ и привесли въ церковь соборную. Здѣсь облачили его въ святительскія одежды и положили во гробъ посреди церкви. На другой день, часу въ шестомъ утра, раздались протяжные удары соборнаго колокола, который призывалъ всѣхъ отдать послѣдній долгъ останкамъ архипастыря. Явилось все градское духовенство, отпѣли почившаго по чину церковному и опустили гробъ въ могилу, которая оставалась непокрытою девять дней, а въ десятый она заложена была досками и камнемъ. Черезъ годъ, вновь прибывшій въ Астрахань митрополитъ (Парфевій) приказалъ вынуть гробъ съ останками митр. Іосифа и поставить посреди церкви. Жители астраханскіе, приходя ко гробу, плакали о почившемъ Святителѣ, вымаливая у него себѣ прощеніе. Плакали и дѣти, молясь за своихъ отцовъ, и огласилась воплемъ вся Астрахань *).

Такъ нѣкогда въ лицѣ Святителя Христова поруганы были злодѣями и наша Церковь православная, и завѣгы отеческіе. Но Промыслъ Божій, направляющій и зло ко благу людей, въ этомъ скорбномъ событіи открылъ для насъ неисчерпаемый источникъ духовнаго утѣшенія и небесной помощи. Враги хотя и надругались надъ служителемъ Божіимъ, даже убили тѣло его, но не могли поколебать твердости его духа: онъ и умирая остался вѣренъ

*) По устроеніи настоящаго Успенскаго собора, гробъ съ останками митр. Іосифа помѣщенъ былъ въ нижнемъ соборѣ, у южной стѣны подъ поломъ, близъ праваго влироса, гдѣ находится и по-нынѣ.

своему священному долгу. И чрезъ этотъ мученическій подвигъ имя митрополита Иосифа стало болѣе славнымъ по смерти, чѣмъ при жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ совершилось описанное злодѣяніе, многочисленные почитатели Святителя здѣсь, у гроба, не престають поучаться высокому образцу служенія Богу, Царю и Отечеству, а въ славной и нестарѣющей памяти о немъ почерпнуть необходимую силу для подражанія сему достохвальному примѣру. Уже одного этого достаточно, чтобы память о митрополитѣ Иосифѣ сохранилась въ сердцахъ истинныхъ сыновъ отечества незабвенною на всѣ времена, а могила его содѣлалась священнымъ для насъ мѣстомъ: Но Святитель Божій заслужилъ несравненно большаго съ нашей стороны почитанія еще какъ воинъ Христовъ, побѣдоносно достигшій небснаго отечества. Ибо мы вѣруемъ, какъ вѣровали до насъ милліоны мѣстныхъ жителей, и непреложно надѣемся, что Господь не лишилъ Святителя, служившаго Ему до смерти на землѣ, вѣнца мученическаго на небѣ, и что астраханцы въ лицѣ его имѣють усерднаго молитвенника за себя предъ Богомъ и подателя небснай помощи. И Господу угодно было поддержать эту вѣру и утвердить эту надежду нѣкоторыми особенными знаменіями. Изъ нихъ укажемъ здѣсь на тѣ, о которыхъ свѣдѣнія были изложены въ свое время письменно.

Спустя годъ съ небольшимъ по убіеніи митрополита Иосифа, именно 16 августа 1672 г., въ Астрахани производился по сему дѣлу розыскъ. Въ тотъ день явился въ Приказную контору отставной стрѣлецъ Ивашко Глухой и объявилъ слѣдующее: „Въ прошломъ году, какъ воровскіе казаки бросили съ раската блаженныя памяти Пресвященнаго митроп. Иосифа, я, Ивашко, въ то время былъ скорбенъ грыжкою болѣзнію. Тогоже дня въ первую ночь, во второмъ часу какъ есть кто меня за большую ногу дернулъ, и я тогда, вставъ, сталъ ужастенъ. Потомъ, взглянувъ случайно съ своего чердака въ красное окошко къ соборной церкви, я увидѣлъ на раскатѣ: стоять три зажженныя свѣчи; отъ средней свѣчи аки искры и пламя великое, а надъ нею аки кубецъ; и такое чудо мнѣ было не за обычай. Размышлялъ всяко, и въ ту первую ночь вставалъ смотрѣть десять разъ, а тѣ свѣчи горѣли неугасимо. И про такое чудо никому и домашнимъ не повѣдалъ, а скорбию ногою, поутру вставъ, здравъ сталъ. И съ того 11-го числа мая до мѣсяца августа по 6-е число съ вечера и до утра, какъ ни погляжу, такожь горѣли свѣчи неугасимо. И августа въ 7-й день про такое чудо извѣщаль протопопу да старцу митрополичьей двора чашнику. И протопопъ мнѣ сказалъ, что-де многіе люди видятъ свѣчи, гдѣ митрополитъ упалъ на землю. И съ тѣхъ поръ по сіе 16-е число августа больше того ничего не видалъ. Съ той поры обрекался я и поставилъ образъ Успенія Пресвятыя Богородицы надъ окошкомъ, гдѣ митрополитъ погребенъ“. Таковыя же огни по ночамъ видѣли на мѣстѣ убіенія Святителя между прочими и астраханскій плотникъ Ивашко Иваловъ, да цушкарь Дениско Михайловъ, о чемъ они тогда-же и подтвердили на допросѣ въ Приказной Палатѣ. *).

*) См. брошюру подъ заглавіемъ: «Иосифъ митр. Астраханскій и Терскій», составл. Я. Лебединскимъ, которою мы главнымъ образомъ пользовались при изложеніи историческихъ свѣдѣній о Святителѣ.

А вотъ недавній примѣръ чудеснаго исцѣленія отъ болѣзни шестнадцатилѣтняго крестьянскаго сына, Астрахан. губерніи, слободы Владиміровки, В. И. З—скаго, послѣ молитвы его на могилѣ Святителя Іосифа убійскаго. Объ этомъ случаѣ самъ исцѣленный рассказываетъ въ особомъ подробномъ письмѣ, которое приводимъ здѣсь вкратцѣ. Означенный отрокъ, вставъ 14 мая 1877 года утромъ, совершенно здоровымъ, чрезъ нѣкоторое время безъ всякой видимой причины вдругъ лишился дара слова. На вопросы родныхъ и знакомыхъ онъ не могъ ничего выговорить. Испуганная мать его стала обращаться къ докторамъ въ г. Царицынѣ и посадѣ Дубовкѣ за помощію. Они, находя у больного поврежденіе головныхъ нервъ, назначали разные лѣкарства и приказывали ему купаться въ холодной ваннѣ. Но пользы отъ этихъ средствъ никакой не было, и нѣмота не проходила. «Вскорѣ приѣхала къ намъ, говорится далѣе въ письмѣ, одна знакомая вдова чиновника и стала уговаривать мою мать, чтобы она отпустила меня въ Астрахань—отслужить тамъ молебень предъ Смоленской иконой Божіей Матери и панихиду надъ могилой митрополита Іосифа убійскаго, а послѣ хотѣла сводить меня къ доктору для леченія электричествомъ. Мать охотно согласилась на это. Въ Астрахань прибыли мы 30 августа и на слѣдующій день ходили къ обѣднѣ въ Смоленскую церковь, гдѣ отслужили молебень предъ Смоленской иконой Божіей Матери. 1-го же сентября попли мы въ Успенскій соборъ къ вечернѣ, послѣ которой служили панихиду объ Іосифѣ убійномъ надъ его могилой. Когда священникъ наложилъ на меня покровъ съ частицей отъ срачицы Святителя, то со мною сдѣлалось великое трясеніе членовъ и волненіе сердца, а голова горѣла, какъ въ огнѣ. По окончаніи службы пришли мы изъ храма на квартиру, и я легъ спать. И вотъ вижу я сонъ: вхожу я будто бы въ церковь, на подобіе Астраханскаго собора, гдѣ народу было очень мало, и сталъ я напротивъ царскихъ вратъ. Вдругъ вижу, растворились царскія врата и выходятъ изъ алтаря два мужа. Одинъ изъ нихъ имѣлъ видъ старца, а другого я не могъ рассмотреть, потому что онъ былъ покрытъ; причемъ послѣдній благословилъ меня и сказалъ: „Иди съ Богомъ!“ Послѣ чего я тотчасъ проснулся, началъ обуздаться, и мнѣ почему-то стало очень трудно дышать, словно я усталъ. Ко мнѣ подошла хозяйка квартиры и говоритъ: „что ты такъ тяжело дышешь? или ты усталъ?“ Тутъ отверзлись мои уста, и я легко произнесъ: „Нѣтъ!“ И съ этой минуты я сталъ говорить по прежнему и отъ радости не зналъ, какъ благодарить Святителя Божія за чудесное дарованіе мнѣ исцѣленія. Всѣ бывшіе въ домѣ дивились происшедшему со мною, спрашивали меня о сновидѣніи; я свободно рассказывалъ имъ, и они также съ великою радостію благодарили Господа Бога, явившаго надо мною милость чрезъ угодника своего митрон. Іосифа убійскаго *)»).

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ сказать, что приведенные случаи чудесной помощи по молитвамъ Святителя не отыскивались намѣренно, а было узнано о нихъ совершенно случайно. Скромность наблюдныхъ христіанъ не позволяетъ имъ разглашать повсюду о дѣлахъ милости Божіей по отно-

*) Подлинное описаніе сего хранится въ соборной бібліотекѣ. Упомянутыя здѣсь лица въ подлинникѣ обозначены полными именами, при чемъ въ удостовѣреніе справедливости описаннаго дѣлается ссылка на священника и на всѣхъ жителей слободы Владиміровкѣ, которымъ хорошо извѣстна этотъ случай.

шенію въ нѣмъ. По сему, безъ сомнѣнія, о множествѣ другихъ подобныхъ-же исцѣленіяхъ не сохранилось до насъ записанныхъ разсказовъ. А сколько людей отходило и отходить отъ мѣста упокоенія Святителя, послѣ молитвы къ нему, съ облегченнымъ сердцемъ, съ обновленной силой для перенесенія недуговъ тѣлесныхъ, или невзгодъ житейскихъ?! Такіе случаи благочестивые почитатели Святителя хранить, обыкновенно, въ тайникахъ сердца своего, какъ драгоценное духовное сокровище, и о нихъ мало говорятъ они даже самымъ близкимъ лицамъ.

Свѣд. І. Саввинскій.

Замѣтка изъ церковно-школьной жизни.

Экзамены въ с. Пришибѣ.

22 апрѣля текущаго года были днемъ торжества церковныхъ школъ села Пришиба, Царевскаго уѣзда. На этотъ день былъ назначенъ экзамень 3-хъ церковно-приходскихъ школъ и 2 школъ грамоты, мужской и женской — „молоканскихъ“.

День этотъ начался истинно церковно и надолго не изгладится въ памяти учениковъ и особенно дѣтей-молоканъ. Въ 9 часовъ утра коммисія, собравшись при Троицкой церковно-приходской школѣ въ числѣ 11 человекъ, рѣшила отслужить Господу Богу молебень. Учащіяся въ стройномъ порядкѣ, подѣ руководствомъ учителей, а за ними и остальные члены коммисіи отправились въ храмъ, гдѣ и началось пѣніе молебна, на которомъ присутствовали ученики-молокане, принимавшее дѣятельное участіе въ общемъ пѣніи молебна, какъ уже хорошо знакомые съ церковными напѣвами; какъ пріятно было слышать стройно звучашіе дѣтскіе голоса!

По окончаніи молебна возвратились въ такомъ-же порядкѣ въ школу и прочтѣвъ общее „Христосъ воскресъ“, и „Ангель воцѣлше“, начали испытанія по предмету Закона Божія и первѣе всего — учениковъ-молоканъ. Отвѣты на вопросы — по исторіи ветхаго и новаго завѣтовъ, катихизису и богослуженію и сравнительно труднѣйшіе — объ обѣтованіяхъ, преобразованіяхъ, пророчествахъ и ихъ исполненіи въ лицѣ Господа Іисуса Христа, раздѣленіи царствъ, нагорной бесѣды и о многомъ другомъ получались живые, точные, а главное толковые, не зазубренные, что, говоря безъ преувеличенія, заставляло радоваться; когда-же ученики-молокане разбирали заблужденія своихъ собратьевъ по упованію и особенно одинъ мальчикъ — Дерабинъ, который разбиралъ вопросы — о необходимости преданія, воднаго крещенія и другія и, что называется, сыпалъ текстами изъ св. писанія, указывая притомъ книгу, главу и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже стихъ въ защиту ученія православной церкви, то правъ, знаніе такихъ вопросовъ